

В. А. Зверев

РОЛЬ СЕМЬИ В ЗАКРЕПЛЕНИИ И ПЕРЕДАЧЕ ОПЫТА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ КРЕСТЬЯН СИБИРИ

(конец XIX – начало XX вв.)

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Роль семьи в закреплении и передаче опыта хозяйственной деятельности русских крестьян Сибири (конец XIX – начало XX вв.) / В. А. Зверев // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX вв. : (трудовые традиции крестьян) / отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1985. – С. 112–128.

В последнее время советские историки-сибиреведы добились заметных успехов в исследовании хозяйственной функции семьи досоветской (особенно феодальной) эпохи, но вопросы освоения и передачи хозяйственного опыта в семье остаются малоизученными. Задача данной статьи заключается в том, чтобы выявить роль семьи в закреплении и передаче опыта земледельческой, скотоводческой и промысловой деятельности русских крестьян Сибири в 90-е гг. XIX – начале XX вв. Анализируются также способы передачи в семье необходимых крестьянину хозяйственных знаний, умений и навыков.

Трудовой опыт крестьян формировался, закреплялся и передавался не только в семье. Е. И. Соловьева отмечает существование у крестьян Тобольской, Томской и Иркутской губерний института ученичества в некоторых отраслях обрабатывающей промышленности. Но он был слабо развит в Сибири по сравнению с Европейской Россией¹. Сельские богатеи из числа торгово-ростовщической буржуазии иногда посылали детей обучаться торговому делу («востриться») в города Иркутск, Нижний Новгород, Москву и т. д.² Но это явление не было массовым. Некоторые крестьяне овладевали различными занятиями самостоятельно, «самоуком доходили»³. Так приобщились, например, к экипажному ремеслу три крестьянина с. Кудинского Хомутовской волости Иркутского округа, что потребовало от них «особой склонности» к этому делу и «выдающихся способностей». Большую роль сыграла и высокая экономическая состоятельность их семей, позволивших своим членам «терять дорогое время»⁴. В с. Усолье Тугутуйской волости один овчинник начал заниматься промыслом «по книжке», завершил же свою профессиональную подготовку, нанимаясь в работники к мастерам из Европейской России⁵. Марина Лыткина, крестьянка Ужурской волости

¹ *Соловьева Е. И.* Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981, с. 227–228.

² *Птицын В.* Очерки народной жизни на р. Лене. – Вестник Европы, 1893, т. 6, кн. 11, с. 84; *Гребенников Г. Д.* Река Уба и убинские люди. – В кн.: Алтайский сборник, т. 11. Барнаул, 1912, с. 24.

³ *Виноградов Г. С., Черных П. Я.* Русские говоры центральной части Тулунского уезда Иркутской губ. Иркутск, 1924, с. 22.

⁴ *Молодых И. А.* Внеземледельческие занятия крестьян Хомутовской волости. – Изв. ВСОПГО, 1890, Т. 21, № 1, с. 54–55.

⁵ *Серебренников И. И.* Промыслы Иркутской губ. Иркутск, 1914, с. 8.

Ачинского округа Енисейской губернии, научилась одному из приемов окраски «самотканщины» (кублению) от родственницы, приехавшей погостить с верховьев Енисея⁶.

Деятельность агрономов в крестьянской среде сковывалась их малочисленностью и отсутствием средств. Услугами агрономических организаций могли пользоваться преимущественно кулацкие хозяйства⁷. Слабое развитие получили в Сибири инструкторская помощь сельским ремесленникам и система профессионального обучения. Учебно-показательные мастерские были немногочисленны и не стали школами массового и систематического обучения ремеслу⁸.

Ничтожную роль играли в этом деле и общеобразовательные школы. Окончившие их подростки вели «такой же образ жизни, как их родители, принимая участие во всех работах по крестьянскому хозяйству» на основе традиционных норм⁹. В 1904 г. известный исследователь В. И. Анучин констатировал, что в Красноярском уезде Енисейской губернии «нет ни одного специального агронома, нет ни ферм, ни сельскохозяйственных школ, ни опытных полей...»¹⁰. Это положение было типичным для большинства местностей Сибири.

Многие крестьяне считали, что их дети «коснеют в невежестве, не получая никаких познаний, даже самых главных и необходимых в жизни»¹¹. Были случаи, когда сельские сходы ходатайствовали о включении в программу школ основ агрономии, об открытии библиотек-читален с сельскохозяйственной литературой. В качестве примера укажем на решение крестьян с. Атаманского Красноярского уезда в январе 1907 г.¹² Подобные ходатайства чаще всего оставались без движения.

Не удивительно, что в таких условиях функцию закрепления и передачи земледельческо-животноводческого и промыслового опыта осуществляли в основном семья и община. Местные Комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности, действовавшие в 1902 г., зафиксировали во всех сибирских губерниях тот факт, что занимающиеся земледелием и ремеслом сельские жители «по большей части ведут дело так, как вели их отцы и деды, следуя их системе хозяйства и даже употребляя те же ... орудия, какими пользовались предки с незапамятных времен... “Так наши родители работали и нас благословили”, – говорили крестьяне»¹³.

⁶ Макаренко А. А. О красильном искусстве у русских Енисейской губ. – Живая старина, 1895, вып. 3/4, с. 352.

⁷ История Сибири, т. 3. Л., 1968, с. 201.

⁸ Бочанова Г. А. Обработывающая промышленность Западной Сибири, конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 1978, с. 52.

⁹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний, т. 2, вып. 2. М., 1890, с. 221; т. 4, вып. 2. Иркутск, 1893, с. 18–19.

¹⁰ Анучин В. И. Современное положение сельскохозяйственной промышленности в Енисейской губ. – Сибирский наблюдатель, 1904, кн. 1, с. 104.

¹¹ ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 294, л. 92.

¹² Сибирская жизнь, 1907, 12 апр.

¹³ Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. 55. Спб., 1903, с. 55; см. также: т. 53, с. 155, 211, 263–264; т. 54, с. 265; т. 56. Спб., 1904, с. 240.

Передачей хозяйственного опыта в рамках семьи объясняется наличие во многих местностях Сибири «семейных» промыслов. Так, в с. Усть-Эрбинском и прилегающих к нему деревнях Абаканской и Новоселовской волостей Минусинского округа Енисейской губернии в конце XIX в. кузнечным делом занимались только представители нескольких семей (Островские, Кудрины, Стричковы), дети и внуки выселившихся сюда в 40-е гг. XIX в. жителей Енисейска. Кузнечное дело, по словам корреспондента ВСОРГО, «велось в их роде»¹⁴. В пригородных деревнях около Томска (Федосеевка, Батурино, Спас, Богашево и др.) в конце XIX – начале XX вв. расселялись представители фамильного гнезда Денисовых, также «кузнецов потомственных»¹⁵. На все Забайкалье в это же время славилась семья ювелиров Маркешиных из с. Большой Куналей¹⁶.

Крестьянская традиция считала недостаточным для подростков овладение только навыками работы предков. Следовало «еще кой-что знать, чтобы вести дом и хозяйство»¹⁷. Подразумевалось знание различных обрядов, примет, наговоров, гаданий и пр. Некоторые из этих сведений имели рациональное значение, но были и такие, которые отражали предрассудки крестьянской среды. Все это также передавалось от поколения к поколению преимущественно в рамках семьи¹⁸.

Приобщение ребенка к вековому опыту крестьянского хозяйствования начиналось в раннем детстве. Уже в колыбельных песнях и детских потешках сибирские «пестуны» знакомили «дитю» с тем, что делается в доме и во дворе, что окружает человека в природе. В ходу были сюжеты о распределении обязанностей между членами семьи в соответствии с их физическими возможностями, о недопустимости лени, безделья¹⁹. «Сызмала» детей приучали к верховой езде. Начиная ходить ребенка уже сажали в седло, давали ему в руки поводья и, придерживая, катали на лошади²⁰. Дети с 5–7 лет ездили на лошади уже самостоятельно.

Очень важным фактором трудового воспитания детей была атмосфера труда и всеобщей занятости взрослых членов семьи. Дети присутствовали при большинстве работ и обрядов, слушали хозяйственные разговоры, сопровождавшие людей во время работы и занимавшие значительную часть досуга семьи. Многие детские игры имитировали трудовую деятельность взрослых членов семьи, являлись своеобразной «хозяйственной тренировкой». М. В. Загоскин зафиксировал в с. Грановском Уриковской волости Иркутского округа игру,

¹⁴ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 637, л. 54 об.

¹⁵ Сибирские сказы, предания, легенды / Сост. А. Мисюрев. Новосибирск, 1959, с. 99, 213.

¹⁶ *Охрименко Г. И.* Женский костюм семейских XIX–XX вв. и его украшения. – В кн.: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969, с. 218.

¹⁷ *Виноградов Г. С.* Поверья и обряды крестьян-сибиряков. – Сибирский архив, 1915, № 3, с. 114.

¹⁸ *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожилго населения Сибири. – Живая старина, 1915, вып. 4, с. 327; *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Спб., 1913, с. 186–187.

¹⁹ *Мельников М. Н.* Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970, с. 71–74.

²⁰ Бухтарминские старообрядцы / Под ред. С. И. Руденко. Л., 1930, с. 59.

при которой группа мальчиков «забавлялась паханием пустыря нарочно сделанной ребячьей сохой»²¹. Среди множества детских игр на Южном Алтае бытовали игры «в сурки», «в лисицы», «в медведи», при которых дети имитировали охоту с собаками на диких животных²². В д. Емельяновой Красноярского округа Енисейской губернии описана игра «в коноплю», изображавшая ряд операций промысла по обработке конопли с участием «матери» и «дочери»²³. В Иркутской губернии были распространены игры «в охоту», «в торговлю», мальчики упражнялись в стрельбе из лука²⁴. Любимой игрой девочек в крестьянских домах были «избушки». Куклы изображали людей разного пола и возраста, они наделялись «домашним хозяйством» (игрушечной посудой, одеждой, постелью). Игры с куклами имитировали образ жизни родителей, родных и знакомых детей²⁵. Дети сами шили из лоскутков куклы, лепили для них из глины посуду, лошадок, собачек, выделывали игрушки из дерева, бересты. При этом они усваивали некоторые приемы труда, узнавали свойства различных материалов. Роль взрослых ограничивалась здесь в основном советами, подсказкой²⁶.

Примерно с 7–9 лет дети уже активно подключались к разнообразным работам в семейном хозяйстве. Мальчики в этом возрасте, сидя на передней в упряжке лошади, исполняли при пахоте обязанности «вожатых». Подростки 16–17 лет могли работать уже и в качестве пахаря при легкой сохе-колесянке²⁷. Боронование пашни и заделка семян повсеместно в Сибири были обязанностью детей 8–12 лет, которых называли «борноволоками»²⁸. Дети и подростки помогали взрослым членам семьи на прополке полей, при уборке урожая, во время перевозки и складирования снопов на гумне или в овине, при молотье. Судя по данным выборочного обследования 1911 г. в Алтайском горном округе, во всем комплексе уборочных работ (машинная жатва хлебов, вязка снопов, уборка их в суслоны, свозка в клады, машинная молотба и веяние, свозка зерна в амбары) доля труда подростков в общем труде членов семьи составляла от 2,3 до 7,2 %²⁹. Дети были возчиками при вывозе навоза на поля,

²¹ Загоскин М. В. Одна из сибирских общин (с. Грановское). Иркутск, 1891, с. 67.

²² Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. – Зап. Семипалат. подотд. ЗСОРГО, 1911, вып. 5, с. 66, 72–73.

²³ Красноярский краевой краеведческий музей, о/ф. 7886, п/и. 123, л. 135.

²⁴ Попова А. М. Детские игры и забавы в сибирской деревне. Иркутск, 1923, с. 4; Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX – XX вв.). Л., 1967, с. 187.

²⁵ Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы, с. 10; Макаренко А. А. Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского окр. Енисейской губ. – Живая старина, 1897, вып. 1, с. 97; Этнологическая секция в 1925–1926 гг. – Сибирская живая старина, 1926, вып. 1 (5), с. 174.

²⁶ Виноградов Г. С. Народная педагогика. – Сибирская живая старина, 1926, вып. 1 (5), с. 12–13; ПАИО, ф. 393, оп. 5, д. 528, л. 4; Попова А. М. Детские игры..., с. 5, 10.

²⁷ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири, вып. 3. Спб., 1889, с. 162; вып. 9. Спб., 1890, с. 210.

²⁸ Материалы для изучения..., вып. 3, с. 181; Спб., 1889, вып. 5, с. 53–54; Патканов С. К., Зобнин Ф. К. Список тобольских слов и выражений. – Живая старина, 1899, вып. 4, с. 488; Сабурова Л. М. Русское население Приангарья. – В кн.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири, ч. 1. Новосибирск, 1971, с. 35–36.

²⁹ Материалы по экономическому исследованию внутренних водных путей. Отд. 2. Сельское хозяйство в Алтайском окр. Спб., 1916, с. 238–239. (Подсчитано авт.)

участвовали в разбрасывании навоза³⁰. Большую помощь они оказывали женщинам в работах по огороду. «Ежели есть кому сарынь (дети. – В.З.), да хто, оно легче, а я все одна да одна», – сетовала, бывало, женщина из бездетной семьи³¹. С 6–7 лет дети принимали активное участие в сенокосе, главным образом в качестве копновозов. С 10–11 лет они уже сами начинали косить. Девочки вместе с матерями ворошили сено, сгребали его в валки³².

Важные обязанности лежали на детях и подростках в животноводческой сфере семейного хозяйства. В некоторых местностях Иркутской губернии уход за лошадьми и уборка скотного двора были делом мальчиков-подростков³³. Девочки помогали матерям и старшим сестрам ухаживать за остальным скотом, встречали его из «пасева»³⁴. Подростки пасли скот, зимой гоняли его на водопой³⁵.

Очень рано дети в крестьянских семьях начинали приобщаться к охотничьему промыслу. Любимым занятием мальчиков с 7–8 лет в промысловых семьях Енисейской губернии была охота с собакой и при помощи ловушек на пушных зверьков (бурундуков, ласок, горностаев, хорьков), а также на птиц (косачей и глухарей). Дети доставляли взрослых охотников на лошадях в «ухожья», привозили им в зимовья съестные припасы. С 12–15 лет подростки отправлялись с родителями на дальний промысел, где они приобретали навыки стрельбы и совершенствовали умение охотиться с помощью ловушек³⁶. Труд «недолетков» широко использовался и в рыболовном промысле³⁷.

Во многих обрабатывающих промыслах также применялся труд детей и подростков. В Томской губернии, по данным обследования начала 1914 г., больше всего подростков участвовало в скорняжном, кирпичном, сундучном, веревочно-канатном и кожевенном промыслах. Количество подростков на 100 промысловых хозяйств колебалось от 108 (кожевенный промысел) до 133 (скорняжный), а процент их от общего числа занятых промыслом членов семьи составлял от 26,2 (кирпичный) до 39,8 (сундучный). Широко применялся труд подростков и в других промыслах: бондарном, щепном, экипажно-тележном, колесном, санном, смолокурном, дегтярном, кузнечном, слесарном, гончарном, овчинном, пимокатном, шорном, ткацком, сапожном, портняжном, шубном, корзиночном, при плетении сетей³⁸.

³⁰ Материалы для изучения..., вып. 9, с. 202–203; вып. 10. Спб., 1891, с. 257.

³¹ *Бородкина М. В.* Деревня Иткара Томского края. Томск, 1927, с. 11.

³² *Виноградов Г. С.* Детский народный календарь. – Сибирская живая старина, 1924, вып. 2, с. 74; Экономическое исследование маслоделия в Сибири. Харьков, 1906, с. 16.

³³ *Загоскин М. В.* Ответы на программу ИРГО для собирания народных юридических обычаев. Иркутск, 1891, с. 16.

³⁴ *Виноградов Г. С.* Детский народный календарь, с. 72.

³⁵ ГААК, ф. 81, оп. 1, д. 42, л. 19–20; *Зобнин Ф. К.* Из года в год. – Живая старина, 1894, вып. 1, с. 56, 63; Материалы для изучения..., вып. 3, с. 320; вып. 11. Спб., 1891, с. 69; ПАИО, ф. 393, оп. 5, д. 225, л. 241.

³⁶ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 663, л. 78; *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи Сургутского края. – Зап. ЗСОРГО, 1903, т. 30, С 86–87; ОПИ ГИМ, ф. 476, оп. 1, д. 12, л. 66.

³⁷ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 638, л. 338; *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи..., с. 86–87; *Сабурова Л. М.* Культура и быт..., с. 48–52.

³⁸ Подсчитано по данным: Материалы анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности в Томской губ.

Возможность судить о широком применении труда детей в обрабатывающих промыслах Восточной Сибири дают материалы анкеты ВСОРГО за 1891 г.³⁹, а также исследования Л. М. Сабуровой, А. А. Лебедевой, Н. Н. Козьмина, И. И. Серебренникова⁴⁰. Применительно к Западной Сибири имеются конкретные описания работ, к которым привлекались дети и подростки в семьях крестьян-ремесленников. Е. И. Соловьева и Г. А. Бочанова дали такие описания для ткацкого, рогожного промыслов и производства сит⁴¹. Дети-«малолетки» участвовали в кожевном промысле Тобольской губернии: собирали дубовую и ивовую кору, необходимую кожевникам для дубления кож⁴². В Тобольском округе при изготовлении женщинами мереж из льна и конопли (промысел распался на прядение, скручивание нити и вязание) им помогали девочки – на их долю выпадало вязание. При производстве берестяных туесов дети и старики выделывали ручки из комлей молодых березок⁴³. В Барнаульском и Бийском уездах Томской губернии при выделке кирпича подростки помогали мужчине-формовщику: подготавливали кирпичную массу, начиная с выкатывания глины и кончая разминкой⁴⁴. При обработке мамонтовой кости в Тобольской губернии детям также поручались подготовительные работы – шкурение и полирование кости⁴⁵. Готовя себе приданое, девочки на р. Бухтарме с 8–9 лет садились за вышивание полотенец, сарафанов⁴⁶.

В сибирской деревне дети и подростки широко привлекались к работам по дому и двору. У прибайкальских крестьян ребятам поручались в этой сфере следующие работы: «смолье нарубить, стайку чистить, куриц загнать, теленка напоить, двор мести»⁴⁷. Мальчики в Тобольской губернии участвовали в «дроворубе», помогая отцу и старшим братьям⁴⁸. Девочки были помощницами матери – шили, стирали, мыли полы. Женщины говорили, что «парнишка к отцу больше льнет, а девка, покуль замуж не ушла, хоть вшей в голове поищет, рубаху выстирает, с ребенком поведется, по дому доглядит»⁴⁹. «Настовать», «пестовать» младших ребят, «водиться» с ними было одной из важнейших обязанностей старших детей

Томск, 1915, с. 13–14.

³⁹ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 637, л. 89 об. – 259; д. 638, л. 56 об. – 315 об.; д. 674, л. 7 об., 8 об., 157.

⁴⁰ Козьмин Н. Н. Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губ.? Иркутск, 1904, с. 37; Лебедева А. А. К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX вв.). – В кн.: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии, с. 153; Сабурова Л. М. Культура и быт..., с. 57–59; Серебренников И. И. Промыслы Иркутской губ., с. 47.

⁴¹ См.: Бочанова Г. А. Обрабатывающая промышленность..., с. 45; Соловьева Е. И. Промыслы сибирского крестьянства..., с. 227.

⁴² Лебедева А. А. Формирование русского населения в Притоболье и хозяйственный быт (XVIII – начало XX вв.). – В кн.: Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX вв. М., 1979, с. 80; Материалы для изучения..., вып. 3, с. 469.

⁴³ Материалы для изучения..., вып. 3, с. 469.

⁴⁴ Отчеты по обследованию гончарного, ткацкого и кожевного кустарных промыслов, произведенному в 1912 г. в отдельных районах Томской губ. Томск, 1913, с. 8.

⁴⁵ Боруцкий В. Кустарные промыслы по обработке рогов и костей. – В кн.: Кустарная промышленность России. Разные промыслы, т. 1. Спб., 1913, с. 490.

⁴⁶ Бухтарминские старообрядцы, с. 398.

⁴⁷ Станиловский А. М. Записки А. М. Станиловского. Иркутск, 1912, с. 111.

⁴⁸ Зобнин Ф. К. Из года в год, с. 44.

⁴⁹ Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение..., с. 376.

(иногда с 3–4 лет). Старшую сестру в семье в Сибири младшие дети так и называли пожизненно – «нянька», «няня»⁵⁰. Летом, в горячую пору полевых работ, девочки почти всецело заменяли мать в ее хлопотах по домашнему хозяйству.

Естественно встает вопрос, являлось ли раннее привлечение детей к труду в крестьянских семьях только объективной необходимостью или это был своеобразный педагогический прием, призванный обеспечить трудовое воспитание подрастающего поколения. Источники показывают, что оба эти момента определенным образом сочетались. Объективные нужды многопрофильного крестьянского хозяйства требовали привлечения детей к труду, в процессе которого осваивались его приемы.

Известные нам немногочисленные и разрозненные записи норм обычного права сибирских крестьян периода капитализма зафиксировали различные обязанности родителей в семье, но среди них нет обязанности давать детям профессиональную подготовку, учить их земледелию или ремеслу⁵¹. Очевидно подразумевалось, что трудовое воспитание – неизбежное следствие привлечения детей к труду. Действительно, важнейшие элементы хозяйственного опыта подростки усваивали «тогда, когда нужда заставит»⁵². Маленький земледелец, участвуя в полевых работах, приобретал необходимые умения и навыки. Из собственного опыта, из наблюдений за действиями других членов семьи, разговоров со старшими он узнавал, «почему на одном участке родилось хорошо, на другом плохо; почему в одном месте хорошо растет овес, а в другом пшеница; когда и как нужно пахать одну землю, когда и как – другую и т. д.»⁵³. Случалось, что крестьянин, в зрелом возрасте успешно занимавшийся каким-либо промыслом, в детстве в нем сам не участвовал, а только наблюдал за работой родителей. Так, в д. Белой на Бухтарме в начале XX в. умело ткала холсты по заказу и на продажу женщина, «видевшая в детстве набивание холстов матерью и решившая ... заняться этим делом»⁵⁴.

В то же время было бы ошибкой сводить трудовое воспитание в крестьянской семье к простому подражанию детей и подростков взрослым. В ткань реальной хозяйственной жизни семьи взрослые вплетали специальные педагогические средства и действия по обучению детей трудовым навыкам. Именно этим объясняется привлечение детей даже к тем работам, в которых можно было бы «обойтись свободно и без детской помощи»⁵⁵.

Крестьяне в своих прошениях по поводу усыновления или отдачи им на воспитание детей

⁵⁰ *Виноградов Г. С., Черных П. Я.* Русские говоры..., с. 18; *Майнов И. И.* Крестьянская свадьба по р. Илим. – Живая старина, 1914, вып. 1/2, с. 49; *Станюкович А. М.* Записки..., с. 109.

⁵¹ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19; *Загоскин М. В.* Ответы на программу..., с. 154; *Костров Н. А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губ. Томск, 1876.

⁵² *Зобнин Ф. К.* Усть-Ницынская слобода Тюменского уезда Тобольской губ. – Живая старина, 1898, вып. 2, с. 138–139.

⁵³ *Материалы для изучения...*, вып. 22. Спб., 1898, с. III–IV.

⁵⁴ *Бухтарминские старообрядцы*, с. 171.

⁵⁵ *Плотников А. Ф.* Нарымский край. Спб., 1901, с. 365.

односельчан иногда брали на себя специальные обязательства по их подготовке к трудовой жизни. Так, в 1898 г. крестьянин с. Семилужного Томского уезда Илья Иванов просил Томское губернское управление отдать ему на воспитание внуков, оставшихся сиротами после гибели их матери – дочери просителя. Иванов писал: «... мальчики уже взрослые – одному 15, а другому 13 лет – и вполне уже могут приучаться к земледелию, к чему я их обязуюсь приучать, т. к. они дети еще не избалованные и сами просят со слезами, дабы я об этом ходатайствовал»⁵⁶. Старая учительница А. В. Трифонова, выросшая в крестьянской семье в с. Хаихта Куйтунской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губернии, вспоминает, что для нее и младшего ее братишки отец изготовил маленькие косы и грабли. Учились косить они так: «Отец идет впереди, за ним я, за мною братишка... Стараемся и мы с братишкой косить, как отец, но косы наши плохо слушаются... Смотрит на нас отец и смеется: “Горе моё, а не косари”, – и начинает показывать, как держать косы, как плавно к земле двигаться. День-два, постепенно науку косьбы осваиваем, только силенок мало, устаем быстро...»⁵⁷.

Смерть одного из родителей тяжело отзывалась на семействе, в частности, и потому, что умирал человек, призванный обучить детей жизненно важному для них делу. Стремясь вступить во второй брак, крестьяне часто объясняли этот шаг именно нуждами детского воспитания⁵⁸. В своих причитаниях по умершим родителям дети на Лене повторяли: «Как-то мы будем работочку работать, кто-то нам ее покажет, что-то нам расскажет? Ничо-то мы не знаем, ничо-то мы не умеем. Кто-то нас наставит, кто-то нас научит»⁵⁹. Н. М. Леликова, жительница Каратузского района Красноярского края, сетовала, что она не научилась в детстве ни прясть, ни ткать, так как мать у нее умерла, и учить ее было некому⁶⁰.

Можно выделить ряд педагогических принципов, которыми руководствовались крестьяне, часто неосознанно, по традиции, приучая детей к труду, передавая им свой хозяйственный опыт. Прежде всего, это опосредованность педагогического влияния. Очень важно было создать атмосферу радости, успешности, нужности труда всех членов семьи: эта атмосфера становилась мощным подспорьем в трудовом воспитании. Большую роль в создании настроения, благоприятного для совместного труда и приобщения к нему детей, играли семейные хозяйственные обряды. Повсеместно в Сибири были распространены, например, различные варианты торжественного семейного обряда в честь начала весенней пахоты и сева, приуроченного обычно к 1 мая («Еремей-запрягальник»). В большинстве случаев мужчины предварительно мылись в бане, надевали чистое белье. Устраивался семейный

⁵⁶ ГАТО, ф. 3, оп. 37, д. 287, л. 118–118 об.

⁵⁷ ПАИО, ф. 393, оп. 5, д. 528, л. 7.

⁵⁸ ГААК, ф. 184, оп. 1, д. 207, л. 2 об.; ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 29, д. 2202, л. 161, 195.

⁵⁹ Азадовский М. К. Ленские причитания. Чита, 1922, с. 53.

⁶⁰ ОПИ ГИМ, ф. 476, оп. 1, д. 12, л. 36.

обед с хлебом-солью, перед иконой зажигалась восковая свеча. Читалась семейная молитва. Затем отправлявшиеся в поле мужчины и подростки кланялись родителям или старшему в семье, получали их благословение и выезжали на пахоту или сев. Все домашние провожали их за ворота⁶¹. В Приангарье бытовал не менее торжественный обряд проводов «лесовика» на охоту, в котором принимали участие все члены его семьи⁶².

Одним из важнейших требований в деле передачи хозяйственного опыта была поэтапность этого процесса при учете возрастных особенностей и физических возможностей детей. Крестьяне старались по возможности не форсировать этот процесс («Вырастут детки, доспеют и сметки»⁶³), но в то же время не задерживать его искусственно («Покаль он поперек лавки лежит, учи его. А как лягет вдоль лавки, тожно уж не научишь»⁶⁴, «Чему смолоду не научишься, того и под старость не будешь знать»⁶⁵). Приобщение младших членов семьи к тем или иным работам происходило по достижении «поры» (определенного возраста), когда можно было «рассчитывать на их понятливость и уменье»⁶⁶.

Очень важным принципом было сочетание педагогических усилий взрослых с самообучением, самовоспитанием и самотренировкой детей. Оптимистично оценивая возможности хозяйственного образования и воспитания («Ребенок что воск – что хочешь, то и сольешь»⁶⁷) крестьяне понимали, что многое зависит от способностей и встречной активности подростка («Глупому сыну отцовский живот не в помощь»⁶⁸, «Незнайка на печке лежит, а знайка по дорожке бежит»⁶⁹). Привлекая детей к труду, сибирские крестьяне чаще всего поручали им самостоятельные участки работы, наделяли их обязанностями, за выполнение которых дети отвечали полностью. Родители первое время присматривали, чтобы работы выполнялись правильно, да «исподволь» наставляли детей в случае крайней необходимости. А. В. Трифонова вспоминает, что когда она девочкой боронила, отец «только наблюдал, чтобы лошади слушались меня, да на поворотах очищал бороны от веток и стерни»⁷⁰. В обрабатывающих промыслах детей также приучали «работать самостоятельно при помощи необходимых указаний»⁷¹.

Успешное педагогическое воздействие родителей основывалось преимущественно на силе

⁶¹ *Арефьев В. С.* В низовьях Ангары. – Сибирский сборник, 1901, вып. 1, с. 97; *Виноградов Г. С.* Поверья и обряды..., с. 116; *Зобнин Ф. К.* Из года в год, с. 45; *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь..., с. 75; *Сабурова Л. М.* Культура и быт..., с.38–39.

⁶² *Арефьев В. С.* В низовьях Ангары. – Сибирский сборник, 1900, вып. 1, с. 2–4.

⁶³ Урал в его живом слове: Дореволюционный фольклор / Собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1953, с. 131.

⁶⁴ *Виноградов Г. С.* Народная педагогика, с. 13. Варианты см.: *Герасимов Б. Г.* В долине Бухтармы, с. 86; *Ивановский В.* Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губ. – Ежегодник Тобольского губернского музея, 1905, вып. 15, с. 20.

⁶⁵ ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 4, № 640, л. 21 об.

⁶⁶ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 637, л. 89 об.; д. 674, л. 8 об.

⁶⁷ ИРЛИ, к. 78, п. 4, № 640, л. 33.

⁶⁸ *Гуревич А. В., Элиасов Л. Е.* Старый фольклор Прибайкалья, т. 1. Улан-Удэ, 1939, с. 337.

⁶⁹ *Герасимов Б. Г.* В долине Бухтармы, с. 83.

⁷⁰ ПАИО, ф. 393, оп. 5, д. 528, л. 5.

⁷¹ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 637, л. 155.

их авторитета как умелых хозяйственников. В то же время родители старались соблюдать и необходимую меру строгости, последовательности и настойчивости в своих требованиях. Не полагалось в таких случаях из родительской любви или жалости делать уступки детям⁷².

Для правильного трудового воспитания детей в семье чрезвычайно важным считалось участие в этом процессе обоих родителей. В раннем детстве все дети находились на попечении матери, отцу же «по его хозяйственным делам мало приходится быть дома при детях»⁷³. Мать старалась опекать детей и в последующее время, но все-таки с 7–8 лет мальчики поступали в «хозяйственную школу» отца. В деле воспитания дочери существовала некоторая «автономия» матери. В Енисейской губернии в 1912 г. записана поговорка: «Сказала папаше: дело не Ваше, мамаша придет — все дела разберет»⁷⁴. Конечно, бывали случаи, когда старшим в семье девочкам приходилось, помогая отцу, выполнять «мальчишечьи» работы, а иным мальчикам исполнять обязанности девочек. Так, в бедняцкой семье Рютиных в д. Верх-Рютиной Усть-Удинской волости Балаганского уезда Иркутской губернии старший сын Михаил по необходимости заменял маленьких сестреночек. «Он пек хлеб, доил коров, мял конопли и все другие по хозяйству работы помогал выполнять своей матери»⁷⁵.

В крестьянской семье существовала своеобразная взаимодополняемость воздействия отца и матери на детей. Н. Н. Козьмин отметил удивительное совпадение в воспоминаниях сибирских писателей, выходцев из крестьян, о своих родителях. Отец описывается ими как «суровый, заставляющий бояться детей», мать – как «добрая покровительница»⁷⁶. Авторитет отца основывался не только на его решающей роли в материальном обеспечении семьи, умении показать образцы хозяйственной деятельности, но и на том, что он был основным собственником средств производства и имущества в семье. Тут крылась возможность подмены влияния авторитета применением силы по отношению к членам семьи, и такая подмена в изучаемый период часто имела место. На этой же основе в конце XIX – начале XX столетия в деревне сформировалась и система эксплуатации членов семьи, в том числе детей и подростков, домохозяином⁷⁷.

Итогом трудового воспитания в семье обычно было приобщение подростков к хозяйственному опыту родителей. Ф. Д. Останин, выросший в с. Сидоровском в Алтайской Кулунде, вспоминает, что в этой местности «с 8 лет и до 15 крестьянский мальчишка

⁷² Виноградов Г. С. Народная педагогика, с. 12; Молотилов А. Говор русского старожилого населения Северной Барабы. – В кн.: Труды Томского общества изучения Сибири, т. 2, вып. 1. Томск, 1913, с. 206.

⁷³ ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1835, л. 17.

⁷⁴ ИРЛИ, к. 78, п. 7, № 640, л. 18.

⁷⁵ ПАИО, ф. 300, оп. 1, д. 693, л. 19–20.

⁷⁶ Козьмин Н. Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. Спб., 1910, с. 183.

⁷⁷ Зверев В. А. Внутрисемейные отношения у русских крестьян Сибири конца XIX – начала XX вв. – В кн.: Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1981, с. 82–108.

полностью и в совершенстве овладевал всем комплексом многообразных крестьянских работ. [Осуществляя] полный уход за скотом зимой и летом, в работах в поле и дома он интуитивно привык ценить время; он знал “технологии” вспашки и боронования; разбирался в сортах семян; знал, когда лучше какую культуру сеять и по какой земле; он умел жать, косить вручную, а если были машины, он вполне мог ... пользоваться ими, произвести чистку, смазку и даже мелкий ремонт; в домашних работах он в совершенстве знал очень трудоемкую и довольно сложную “технологии” превращения навоза в кизяк (топливо); умел строить глинобитные постройки; мог наточить топор, лопату... Восемнадцатилетний парень мог вести самостоятельно крестьянское хозяйство»⁷⁸.

При обследованиях крестьянских хозяйств переписчикам за отсутствием главы семьи часто приходилось опрашивать по программе подворной карточки 10–12-летних подростков. Те давали «прекрасные ответы на все вопросы ... и заслуживали этим громкое ободрение присутствующих крестьян»⁷⁹. Подростки хорошо разбирались в «производительных процессах» данного хозяйства, но подробные сведения по его бюджету мог дать только сам домохозяин⁸⁰.

М. В. Загоскин отмечал, что в Иркутской губернии «уже с 16 лет мальчики начинают влиять на отца, а с женитьбы нередко вступают в права хозяев»⁸¹. Именно женитьба крестьянского парня повсеместно в Сибири знаменовала собой завершение подготовки к ведению им совместно с женой самостоятельного хозяйства. Девушки к моменту выхода замуж также овладевали всеми знаниями, умениями и навыками, необходимыми, с точки зрения крестьян, женщине-хозяйке. «Я умею шить и мыть, вышивать и гладить. Я умею ворожить, от нарочков ладить», – распевали в начале XX в. в Иркутской губернии⁸². Девушки, вышедшие замуж и не умевшие «хозяйничать», правильно распределяя рабочее время, «находятся в пренебрежении и преследуются насмешками»⁸³, о них говорилось в народе: «Девушка-семиделушка: семь дел начала, ни одного не кончила», «Ни нового сшить, ни старого распороть» (Тобольская губерния)⁸⁴; «Трем свиньям щей не разольет – кака это хозяйка» (Енисейская губерния)⁸⁵.

Иногда родители стремились отложить замужество дочери под тем предлогом, что она еще «не все умеет, не всему научена, а с нее взыщется» в семье мужа⁸⁶. И действительно,

⁷⁸ Воспоминания хранятся в секторе истории культурного строительства ИИФиФ СО АН СССР (п. 118, л. 31–32).

⁷⁹ Материалы по исследованию..., т. 2, вып. 5. М., 1890, с. 177.

⁸⁰ Там же, с. 178; Шлихтер А. Г. Экономическое положение крестьян Туруханского края, ч. 1. Красноярск, 1914, с. 2.

⁸¹ Загоскин М. В. Ответы на программу..., с. 19.

⁸² Буйко А. М. Тулуновские частушки. – Сибирский архив, 1915, № 11, с. 515. Вариант см.: ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 743, л. 37.

⁸³ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 638, л. 173.

⁸⁴ Ивановский В. Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губ. – Ежегодник Тобольского губернского музея, 1912, вып. 22, с. 11, 23.

⁸⁵ ИРЛИ, к. 78. п.4, № 640, л. 26 об.

⁸⁶ Овчинников М. П. Старинная свадьба в с. Рыбинском Канского уезда Енисейской губ. – Сибирский архив, 1912, № 11.

«взыскивалось». Об этом свидетельствует, в частности, пояснение крестьянки Екатерины Фоминой по поводу возбуждения ее мужем бракоразводного дела. Фомина пишет, что с детства жила в городе в «прислугах» и потому «к крестьянской жизни не сродна» – хозяйство вести не научилась. Тем не менее, в 1905 г., когда ей было 18 лет, отец выдал ее замуж за односельчанина. Вскоре Фомина покинула мужа и перебралась в город. Причину своего поступка она объясняет так: «Свекровь моя ... с первого же дня стала с меня требовать то и другое в отношении хозяйства, чтобы я всю работу крестьянскую исполняла, я же ... работу крестьянскую не знала и потому исполнять ее не умела, тем более что хозяйство у них было порядочное: были коровы, лошади, овцы, телята и свиньи. Показать или поучить она меня не хотела, а требовать требовала. Я жила у них в доме 3 месяца, она несколько раз била меня и заставляла моего мужа бить меня, а за что, я и сама не знаю...»⁸⁷.

В конце XIX – начале XX вв. в ходе развития капитализма вглубь и вширь происходили значительные изменения в социально-экономических, демографических, природных условиях функционирования крестьянской семьи. Однако многое в средствах и способах семейной хозяйственной деятельности, освященных традицией, оставалось целесообразным, хорошо приспособленным к местным условиям. Но многое, хотя и устаревало, изживалось медленно. Наблюдатели и исследователи фиксировали в деревне «первобытное состояние» хлебопашества, «несовершенство орудий и приемов работы» в обрабатывающих промыслах⁸⁸.

Главная причина этого заключалась в обнищании основной массы крестьянских семей. Многие крестьяне осознавали необходимость научно обоснованных улучшений в хозяйстве, но не обладали для этого нужными средствами. Негативное влияние оказывали также ограниченный кругозор и неграмотность крестьянства, закреплявшие косность хозяйственного мышления. Известную роль играла консервативность общины, зачастую тормозившей или прямо запрещавшей «применение неслыханных в деревне приемов или орудий»⁸⁹. Одной из причин такого положения была сама традиция хозяйствования «по старине», заставлявшая крестьян «идти старым дедовским путем, освященным веками и опытом»⁹⁰.

Вместе с тем, овладение крестьянами опытом хозяйственной деятельности предшествующих поколений создавало благоприятные предпосылки для перестройки хозяйства на рациональных принципах. Хорошо приспособленное к местным условиям,

с. 889.

⁸⁷ ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 28, д. 2004, л. 20–21.

⁸⁸ *Анучин В. И.* Современное положение..., с. 105; Труды местных Комитетов..., т. 53, с. 155, 211; т. 54, с. 250–251, 265; т. 55, с. 55; Кустарные промыслы в Томской губ. Томск, 1911, с. 9; Кустарные промыслы Томской губ. Спб., 1909. с. 6.

⁸⁹ Труды местных Комитетов..., т. 56, с. 263.

⁹⁰ Там же, с. 240.

традиционное семейное хозяйство являлось как бы потенциальной платформой для такой перестройки. Авторы обследования обрабатывающих промыслов Томской губернии 1914 г. отмечали, что успешнее всего последние развиваются и совершенствуются там, «где промысел уже существует ... выработалась техника производства, в зависимости от имеющихся на месте материалов»⁹¹. Попытки некоторых крестьян ввести улучшенные орудия труда, новые приемы обработки земли, новые культуры, сорта семян во многом опирались на местные традиции обработки земли⁹². Выдающиеся самоучки из числа крестьян, используя перенятый у предков опыт и корректируя его знаниями, полученными из специальных изданий, на сельскохозяйственных выставках и т. д., старались перестроить свое хозяйство и закрепить достижения, передав свой опыт детям. Кроме косвенных, тому есть и прямые свидетельства.

В д. Береговой Коркинской волости Туринского уезда Тобольской губернии под руководством отца, старого крестьянина Степана Малкова, успешные опыты по вспашке под яровые с осени вел его сын Алексей со своей женой и детьми-подростками, имея намерение «привить осеннюю обработку окончательно»⁹³. Близ Тобольска в д. Филатовой с 1843 г. крестьянин Дмитрий Никитин из года в год вел хозяйственные записи о времени полевых работ, о причинах неурожаев, стоимости рабочих рук. Они должны были «послужить справочной книгой» при ведении хозяйства в последующие годы. Записи продолжали сын и внук Никитина, и в результате получились непрерывные сведения за несколько десятков лет, широко использовавшиеся в названном хозяйстве⁹⁴. В Тарском уезде Тобольской губернии основателем пчеловодства был крестьянин Алексей Паршин (Егоров), переселившийся сюда в 40-е гг. XIX в. из Пензенской губернии. На родине он «водил пчел вместе со своим дедом». В Сибири, приглядевшись к местным условиям, Алексей также завел пчел и охотно применял в своем промысле новшества: пробовал, например, завести рамочные ульи вместо колодок. Свой богатый опыт он передавал внучатам – двум мальчикам 10–12-летнего возраста, помогавшим ему на пасеке. Кстати, двоюродный брат Алексея Паршина Кирилл, тоже занимавшийся пчеловодством, хотя и был на 10 лет моложе «братана», неуклонно придерживался старых приемов промысла, говоря: «Наши деды держали пчел в колодках, и мы против их примера не пойдем»⁹⁵.

В период капитализма, по мере того, как хозяйственные функции крестьянской семьи постепенно перенимали капиталистическая кооперация и другие формы буржуазного

⁹¹ Материалы анкетного обследования..., с. 16.

⁹² Труды местных Комитетов..., т. 54, с. 300; Труды Ялуторовского отдела Московского общества сельского хозяйства. Ялуторовск, 1911, вып. 1, с. 2; *Халютин П. В.* Крестьянское хозяйство в России, т. 3. Пг., 1915, с. 3–4, 26, 43.

⁹³ *Халютин П. В.* Крестьянское хозяйство..., с. 14–15.

⁹⁴ Материалы для изучения..., вып. 10, с. 306–307; *Скалозубов Н. П.* Организация общественных сил в целях изучения Сибири. Спб., 1912, с. 5.

⁹⁵ Труды местных Комитетов..., т. 53, с. 85–86.

производства, ослаблялась роль семьи как орудия закрепления и передачи хозяйственного опыта. Все чаще с ранних лет родители-бедняки отдавали детей в наем ради приработка и «чтобы не было в доме лишнего рта». По данным обследования 1894 г. в Алтайском горном округе, в первые годы водворения отдавали в наем «исключительно детей» 17,5 % крестьянских семей (причисленные переселенцы – 19,1, непричисленные – 18,9, старожилы – 1,0 %). Еще 12,7 % семей отдавали «детей и прочих членов семейства» (причисленные переселенцы – 13,1, непричисленные – 14,5, старожилы – 3,2 %). Кроме того, часть детей шла в наем вместе с главой семьи (данных об их количестве нет)⁹⁶. В начале XX в. наем детей и подростков в сибирской деревне увеличивался⁹⁷. Конечно, при работе подростков по найму использовались умения и навыки, полученные от родителей в детстве, но развивались они уже вне семьи. Правда, в случае совместного найма детей с родителями последние получали возможность продолжить трудовое воспитание своих помощников в нелегком батрацком труде.

Ослабление родительского контроля за процессом хозяйственного воспитания детей имело негативные последствия. «Не выучился, а испакостился», – приходилось иногда констатировать родителям⁹⁸. М. Ткаченко свидетельствует, что в начале XX в. на р. Нижней Тунгуске в среде подростков распространилось «похищение друг у друга из ловушек попавшей добычи, что строго осуждалось их отцами»⁹⁹. Негативным явлением было спаивание детей, участвовавших в помочах, которые превращались в разновидность найма.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. процесс формирования, закрепления и передачи опыта хозяйственной деятельности русских крестьян Сибири протекал, как и в предшествующее время¹⁰⁰, главным образом в рамках семьи, хотя роль знаний и умений, привносимых извне, увеличилась.

Накануне социалистической революции «семейный» механизм приобщения к сравнительно быстро прогрессирующему капиталистическому производству становился недостаточным, но господствующая общественная система не могла создать ему равноценной замены или дополнения.

⁹⁶ Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайский край. – В кн.: Алтайский сборник, т. 4, вып. 1. Барнаул, 1899, с. 20–21.

⁹⁷ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976, с. 193–194.

⁹⁸ Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы, с. 83.

⁹⁹ Ткаченко М. Краткий очерк торговли и промыслов по р. Нижней Тунгуске и некоторые черты быта населения. – В кн.: Известия Иркутского отд. Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, т. 1. Иркутск, 1917, с. 72.

¹⁰⁰ Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1975, с. 4–5, 190–191, 232, 283, 287, 292–293; Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1979, с. 117–122, 128.